

УДК 81-139:378

Экспликация мотива пустыни в картинах окружающего мира русских писателей XIX века

Иванова Н.П.

*Таврический национальный университет им. В.И. Вернадского,
г. Симферополь, Украина*

В статье рассматривается мотив пустыни и его экспликация в художественном пространстве произведений русских писателей XIX века. В ходе анализа делаются выводы об особенностях ментального пространства автора и его героев.

Ключевые слова: ментальное пространство, художественное пространство, мотив, картина окружающего мира.

Для современного литературоведения представляется актуальным рассмотрение литературного пейзажа как основного средства реализации ментального пространства автора в рамках историко-функционального направления исследований, заданного еще в первой трети XX века известным харьковским ученым В.И. Белецким в работе «В мастерской художника слова» (1923). Однако эти идеи в свое время не получили должного развития. И лишь в конце прошлого века интерес к такому рода исследованиям был возрожден на качественно новом уровне, обозначенном В.Н. Топоровым, указавшим в работе «Пространство и текст» (1993) на необходимость анализа литературного произведения сквозь призму пространственности. Именно такого рода исследования проведены в монографиях современных ученых В.А. Подороги «Метафизика ландшафта» (1993), Ю.И. Сохрякова «Природа и человек в русской прозе XIX века» (1992), М. Хайдеггера «Искусство и пространство», М.Н. Эпштейна «Природа, мир, тайник вселенной» (1990). На качественно новом уровне тесной связи с ментальным пространством автора литературный пейзаж рассматривается в работах Л.А.Араевой и Н.Б. Воронинской «Ментальное пространство поэтического цикла Иосифа Бродского “Postaetatemnostram”» (2006), М.П.Ахиджаковой «Вербализация ментального пространства языковой личности автора в художественном тексте» (2007), Д.Н.Замятина «Метагеография: пространство образов и образы пространства» (2006), А.С.Шохова «Структура ментального мира классической Греции» (2006). Однако методика рассмотрения ментального пространства автора посредством анализа картин окружающего мира не является в них приоритетной. При этом такая методика представляется весьма продуктивной и является основой проводимого исследования.

Целью статьи является анализ реализации мотива пустыни в художественном пространстве произведений русских писателей XIX века. Задачи статьи: 1) интерпретировать картины окружающего мира в произведениях русских писателей XIX века как фрагменты ментального пространства автора, отражающие его мировоспри-

ятие и систему ценностей; 2) на основе анализа фрагментов авторского ментального пространства сделать вывод об особенностях художественной системы писателя.

Мотив пустыни реализуется в ряде произведений русской литературы XIX века. В.И. Даль толкует слова *пустыня*, *пустынь*, в частности, как «уединенную обитель, одинокое жилье, келью, лачугу отшельника, одинокого богомольца, *уклонившегося от сует*», а слово *пустынный*, соответственно, как «безлюдный, отшельный, *одинокий*» (курсив Н.И.) [3, Т. 3, с. 542]. В связи с этим мотив пустыни сопрягается с мотивом одиночества и бегства от окружающей действительности, столь характерным для ментального пространства романтиков.

Творчество А.С. Пушкина начала 20-х годов XIX века позволяет говорить о преобладании романтизма не только на уровне изображения действительности, но, главным образом, именно на уровне ментального пространства. Многие исследователи указывают в связи с этим на определенные черты романтического мировосприятия поэта, одной из которых является сознательная ориентация на тот или иной литературный тип. Как замечает Ю.М. Лотман, романтический герой всегда в пути, его мир – это дорога. За спиной у него покинутая родина, ставшая для него тюрьмой [6, с.57].

Это в полной мере отразилось в пейзажах «Кавказского пленника» (1820-1821 гг.). Мотив бегства, отшельничества присутствует уже в посвящении (поэма посвящена Н.Н. Раевскому): «пасмурный Бешту» назван «пустынником величавым», а также «новым Парнасом». И это очень показательный факт: ведущие исследователи романтизма называют главной его чертой оценочность, окрашенность изображаемых реальных деталей тонами авторского восприятия. Неслучайно Г.А. Гуковский для обозначения романтизма использовал, в частности, такой термин, как «субъективизм», а Б.С. Мейлах отмечал такую важную сторону пушкинской лирики, как «раскрытие душевного мира человека сквозь восприятие мира внешнего» [8, с.233]. И коль скоро это так, следует упомянуть и о том, что образ пустыни неоднократно встречается в «Кавказском пленнике»: «пустыни знойные», «пустынные равнины», «пустынный мир», «в горах пустынных». И слово *пустыня* в поэме вовсе не традиционное *пространство, лишенное растительности*, потому что

Пред ним пустынные равнины

Лежат зеленой пеленой.

Это скорее место обитания пустытника, мир, где он одинок и (но?) свободен, то есть *пустыня, пустынь* именно в описанном В.И. Далем значении. Доказывают присутствие этого символического наполнения образа пустыни и следующие строки «Кавказского пленника»:

...Отступник света, друг природы,

Покинул он родной предел

И в край далекий полетел

С веселым призраком свободы.

Свобода! Он одной тебя

Еще искал в *пустынном* мире [9, Т. 3, с. 6].

Кстати, дважды в поэме слово *природа* рифмуется со словом *свобода*, давая возможность говорить о существовании устойчивой ассоциации в ментальном пространстве двадцатилетнего поэта. Указывая на ассоциативность как на одну из важнейших особенностей художественного мышления А.С. Пушкина, Б.С. Мейлах определяет ассоциации как субъективные отражения объективных представлений и временных связей между предметами и явлениями [8, с.213]. В этом высказывании видится по-

иному сформулированный тезис об оценочном изображении окружающего мира, характерном для романтиков.

Мотив пустыни эксплицирован и в пушкинском «Путешествии в Арзрум во время похода 1829 года». Вскоре после описания несостоявшегося перехода через границу появляется изображение могилы пастуха, «умершего пустынноком» (отшельником), и растущих у могилы двух «пустынных сосен» [9, Т. 5, с. 465], то есть реализуется романтический мотив уединения, бегства или изгнания.

Этот мотив существует и в романе М.Ю. Лермонтова «Герой нашего времени», где он связан с мотивом веселья, эксплицированным, к примеру, в песне Казбича:

Много красавиц в ауле у нас,
Звезды сияют во мраке их глаз,
Сладко любить их, завидная доля;
Но веселей молодецкая воля [5, Т. 4, с. 18].

«Здесь отзвуки «вершинного», метафизического значения: «молодецкая воля» - одна из форм, приближающих к высшему состоянию, к освобождению из оков наличного бытия; наслаждение, напротив, - как сила, удерживающая в рабстве» [7, с. 294]. В этом видится определенный трагизм: теряют смысл привычные человеческие связи, но взамен приобретает свободу. Не это ли один из мотивов поступков Печорина? И тогда новый оттенок значения приобретают строчки из его дневника. Так, сразу же после свидания с Верой Печорин напишет: «Возвратясь домой, я сел верхом и поскакал в степь; я люблю скакать на горячей лошади по высокой траве, против *пустынного* ветра... Нет женского взора, которого бы я не забыл при виде кудрявых гор, озаренных южным солнцем, при виде голубого неба, или внимая шуму потока, падающего с утеса на утес» (*курсив Н.И.*) [5, Т. 4, с. 79]. Представляется, что мир природы в лермонтовском ментальном пространстве является местом уединения, спасительной альтернативой суете и будничности. Это подтверждают следующие строки дневника Печорина: «Тот, кому случалось, как мне, бродить по горам *пустынным* и долго-долго всматриваться в их причудливые образы и жадно глотать животворящий воздух, разлитый в ущельях, тот, конечно, поймет мое желание передать, рассказать, нарисовать эти волшебные картины» (*курсив Н.И.*) [5, Т. 4, с. 27].

Если говорить о гоголевском творчестве, то можно сделать вывод о том, что наиболее полно мотив пустыни реализован в повести «Портрет». Подобно писателям и поэтам эпохи барокко, Н.В. Гоголь был убежден в том, что творческий процесс возможен только будучи благословенным свыше. В связи с этим непосредственно авторские убеждения видятся в следующих фрагментах указанной повести: отец художника «удалился с благословенья настоятеля в пустынь, чтоб быть совершенно одному. Там из древесных ветвей выстроил он себе келью, питался одними сырыми кореньями, таскал на себе камни с места на место, стоял от восхода до заката солнечного на одном и том же месте с поднятыми к небу руками, читая непрерывно молитвы. Словом, изыскивал, казалось, все возможные степени терпенья и того непостижимого самоотверженья, которому примеры можно разве найти в одних житиях святых. Таким образом долго, в продолжение нескольких лет, изнурял он свое тело, подкрепляя его в то же время живительною силою молитвы. Наконец в один день пришел он в обитель и сказал твердо настоятелю: “Теперь я готов. Если богу угодно, я совершу свой труд”» [1, Т. 3, с. 117].

А в «Сорочинской ярмарке» мотив пустыни символизирует одиночество: «Не так ли и радость, прекрасная и непостоянная гостья, улетает от нас, и напрасно одинокий

звук думает выразить веселье? В собственном эхе *слышит* уже он *грусть и пустыню* и длительно внемлет ему. Не так ли резвые друзья бурной и вольной юности, поодиночке, один за другим, теряются по свету и оставляют, наконец, одного старинного брата их? Скучно оставленному! И тяжело и грустно становится сердцу, и нечем помочь ему» (*курсив Н.И.*) [1, Т. 1, с. 91-92].

В романе Ф.М. Достоевского местом уединения, своего рода пустыню также становится мир природы. Именно там находящийся на каторге герой получает возможность постичь вечные законы и начать путь духовного обновления. Весьма симптоматично, что в этом ему помогают высшие силы. Об этом свидетельствует следующая картина окружающего мира: «Раскольников вышел из сарая на самый берег, сел на складенные у сарая бревна и стал глядеть на широкую и *пустынную* реку. С высокого берега открывалась широкая окрестность... Там была свобода и жили другие люди, совсем не похожие на здешних, *там как бы самое время остановилось, точно не прошли еще века Авраама и стад его...*

Вдруг подле него очутилась Соня... *Как это случилось, он и сам не знал, но вдруг что-то как бы подхватило его и как бы бросило к ее ногам...*

Они оба были бледны и худы; но в этих больных и бледных лицах *уже сияла заря обновленного будущего, полного воскресения в новую жизнь*» (*курсив Н.И.*) [4, Т. 6, с. 421]. Упомянутые ранее в романе аршин пространства и вечность на нем сменяются широкой панорамой, а значит, новыми возможностями. Представляется, что определение *пустынный* здесь употреблено в именно в значении, указанном В.И. Далем.

Вывод. Таким образом, мотив пустыни может быть отнесен к сквозным мотивам русской прозы XIX века. Анализ экспликации сквозных мотивов в картинах окружающего мира позволяет сделать вывод об особенностях ментальных пространств писателей этого периода и открывает новые пути исследования литературного пейзажа.

Список литературы

1. Гоголь Н. В. Полное собрание сочинений: В 14-ти томах / Николай Васильевич Гоголь. - М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1937—1952.
2. Гукковский Г.А. Пушкин и русские романтики / Григорий Александрович Гукковский. - М., 1965. - 328 с.
3. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4-х томах / Владимир Иванович Даль. - М., 1978.
4. Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений: В 30-и томах / Федор Михайлович Достоевский. - Л.: Наука, 1972.
5. Лермонтов М.Ю. Собрание сочинений: В 4-х томах / Михаил Юрьевич Лермонтов. - М.: Художественная литература, 1976.
6. Лотман Ю.М. Александр Сергеевич Пушкин / Юрий Михайлович Лотман. - Л.: Просвещение, 1983. - 255 с.
7. Маркович В.М. О лирико-символическом начале в романе Лермонтова «Герой нашего времени» / В.М. Маркович // Известия АН СССР. Серия лит. и яз. - М., 1981. - Т. 40. - № 4. - С. 291-303.
8. Мейлах Б.С. Творчество А.С.Пушкина. Развитие художественной системы / Б.С. Мейлах. - М.: Просвещение, 1984. - 160 с.
9. Пушкин А.С. Полное собрание сочинений: В 10-ти томах / Александр Сергеевич Пушкин. - Л.: Наука, 1997.

Иванова Н.П. Експлікація мотиву пустелі в картинах навколишнього світу російських письменників XIX ст. // Ученіє запискі Таврічеського національного університета ім. В.І. Вернадського. Серія «Філологія. Соціальні комунікації». – 2012. – Т.25 (64). – № 1. Частина 2. – С. 123-127.

У статті розглядається мотив пустелі та його експлікація в художньому просторі творів російських письменників XIX ст. В ході аналізу робляться висновки про особливості ментального простору автора і його героїв.

Ключові слова: ментальний простір, художній простір, мотив, картина навколишнього світу.

Ivanova N.P. Motif s' of hermit explication in Russian writers' in XIX century pictures of surrounding world // Uchenye zapiski Tavricheskogo Natsionalnogo Universiteta im. V.I. Vernadskogo. Series «Filology. Social communications». – 2012. – V.25 (64). – № 1. Part 2. – P. 123-127.

In article is considered motif of hermit and its explication in artistic space of Russian writers in XIX century. During the analysis the conclusions about features of mental space of the author and his heroes are made.

Keywords: mental space, artistic space, motif, picture of surrounding world.

Поступила в редакцію 01.04.2012 г.